

Чарльз Диккенс
—
Дэвид Копперфилд

Москва
2023

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д45

Charles Dickens
DAVID COPPERFIELD

Перевод с английского *А. Кривцовой, Е. Ланна*

В оформлении переплета и титула использована иллюстрация
к роману художника Фрэнка Рейнольдса (1876—1953)
из издания 1910 года

Диккенс, Чарльз.

Д45 Дэвид Копперфилд : роман / Чарльз Диккенс ; [перевод с английского А. Кривцовой, Е. Ланна]. — Москва : Эксмо, 2023. — 896 с.

ISBN 978-5-04-105769-5 (Яркие страницы)

ISBN 978-5-04-189713-0 (Библиотека классики)

Один из лучших романов Чарльза Диккенса, его «любимое детище» и в значительной степени автобиографическое произведение, полное очарования старой доброй Англии.

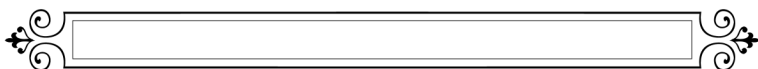
Дэвид Копперфилд появляется на свет через несколько месяцев после смерти отца. Он начинает свою жизнь под присмотром доброй няни и окруженный любовью матери. Однако еще мальчиком встречает на своем пути зависть и злобу и вынужден познать человеческую жестокость, горе и разочарование. Преодолеть преграды и вытерпеть многочисленные лишения Дэвиду Копперфилду помогают чистота души, ясность мысли, величие помыслов. Герой романа рассказывает о себе, о дорогих ему людях и случившихся с ними событиях.

«Дэвид Копперфилд» — это фантазия, когда веселая, когда трогательная, на тему о жизни, составленная из воспоминаний и исполнения желаний человеком с живым воображением и теплыми чувствами. И развлекательность ее... пленительна». *Сомерсет Моэм*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-105769-5
ISBN 978-5-04-189713-0

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

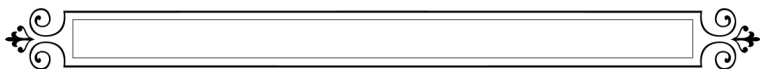
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В предисловии к первому изданию этой книги я говорил, что чувства, которые я испытываю, закончив работу, мешают мне отступить от нее на достаточно большое расстояние и отнестись к своему труду с хладнокровием, какого требуют подобные официальные предварения. Мой интерес к ней был настолько свеж и силен, а сердце настолько разрывалось меж радостью и скорбью — радостью достижения давно намеченной цели, скорбью разлуки со многими спутниками и товарищами, — что я опасался, как бы не обременить читателя слишком доверительными сообщениями и касающимися только меня одного эмоциями.

Все, что я мог бы сказать о данном повествовании помимо этого, я попытался сказать в нем самом.

Возможно, читателю не слишком любопытно будет узнать, как грустно откладывать перо, когда двухлетняя работа воображения завершена; или что автору чудится, будто он отпускает в сумрачный мир частицу самого себя, когда толпа живых существ, созданных силою его ума, навеки уходит прочь. И тем не менее мне нечего к этому прибавить; разве только следовало бы еще признаться (хотя, пожалуй, это и не столь уж существенно), что ни один человек не способен, читая эту историю, верить в нее больше, чем верил я, когда писал ее.

Сказанное выше в такой мере сохраняет свою силу и сегодня, что мне остается сделать читателю лишь еще одно доверительное сообщение. Из всех моих книг я больше всего люблю эту. Мне легко поверят, если я скажу, что отношусь как нежный отец ко всем детям моей фантазии и что никто и никогда не любил эту семью так горячо, как люблю ее я. Но есть один ребенок, который мне особенно дорог, и, подобно многим нежным отцам, я лелею его в глубочайших тайниках своего сердца. Его имя — «Дэвид Копперфилд».

ГЛАВА I

Я ПЯВЛЯЮСЬ НА СВЕТ

Стану ли я героем повествования о своей собственной жизни, или это место займет кто-нибудь другой — должны показать последующие страницы. Начну рассказ о моей жизни с самого начала и скажу, что я родился в пятницу в двенадцать часов ночи (так мне сообщили, и я этому верю). Было отмечено, что мой первый крик совпал с первым ударом часов.

Принимая во внимание день и час моего рождения, сиделка моей матери и кое-какие умудренные опытом соседки, питавшие живейший интерес ко мне за много месяцев до нашего личного знакомства, объявили, во-первых, что мне предопределено испытать в жизни несчастья и, во-вторых, что мне дана привилегия видеть привидения и духов; по их мнению, все злосчастные младенцы мужского и женского пола, родившиеся в пятницу около полуночи, неизбежно получают оба эти дара.

Мне незачем останавливаться здесь на первом предсказании, ибо сама история моей жизни лучше всего покажет, сбылось оно или нет. О втором предсказании я могу только заявить, что если я не промотал этой части моего наследства в младенчестве, то, стало быть, еще не вступил во владение ею. Впрочем, лишившись своей собственности, я отнюдь не жалею, и, если в настоящее время она находится в других руках, я от всей души желаю владельцу сохранить ее.

Я родился в сорочке, и в газетах появилось объявление о ее продаже по дешевке — за пятнадцать гиней. Но либо в ту пору у моряков было мало денег, либо мало веры и они предпочитали пробковые пояса, — я не знаю; мне известно только, что поступило одно-единственное предложение от некоего ходатая по делам, связанного с биржевыми маклерами, который предлагал два фунта наличными (намереваясь

остальное возместить хересом), но дать больше, и тем самым предохранить себя от опасности утонуть, не пожелал. Вслед за сим объявлений больше не давали, сочтя их пустой тратой денег, — что касается хереса, то моя бедная мать распродала тогда свой собственный херес, — а десять лет спустя сорочка была разыграна в наших краях в лотерее между пятьюдесятью участниками, внесшими по полкроны, причем выигравший должен был доплатить пять шиллингов. Я сам при этом присутствовал и, припоминая, испытывал некоторую неловкость и смущение, видя, как распоряжаются частью меня самого. Помнится, сорочка была выиграна старой леди с маленькой корзиночкой, из которой она весьма неохотно извлекла требуемые пять шиллингов монетами по полпенни, не доплатив при этом двух с половиной пенсов; было потрачено немало времени на безуспешные попытки доказать ей это арифметическим путем. В наших краях долго еще будут вспоминать тот примечательный факт, что она и в самом деле не утонула, а торжественно почилла девяноста двух лет в своей собственной постели. Как мне рассказывали, она до последних дней особенно гордилась и хвастала тем, что никогда не бывала на воде, разве что проходила по мосту, а за чашкой чаю (к которому питала пристрастие) она до последнего вздоха поносила нечестивых моряков и всех вообще людей, которые самонадеянно колесят по свету. Тщетно втолковывали ей, что этому предосудительному обычаю мы обязаны многими приятными вещами, включая, может быть, и чаепитие. Она отвечала еще более энергически и с полной верой в силу своего возражения:

— Не будем колесить!

Дабы и мне не колесить, возвращаюсь к моему рождению.

Я родился в графстве Суффолк, в Бландерстоне или «где-то поблизости», как говорят в Шотландии. Родился я после смерти отца. Глаза моего отца закрылись за шесть месяцев до того дня, как мои раскрылись и увидели свет. Даже теперь мне странно, что он никогда меня не видел, и еще более странным мне кажется то туманное воспоминание, какое сохранилось у меня с раннего детства, о его белой надгробной плите на кладбище и о чувстве невыразимой жалости, которую я, бывало, испытывал при мысли, что эта плита лежит там одна темными вечерами, когда в нашей маленькой гостиной пылает камин и горят свечи, а двери нашего дома заперты на ключ и на засов, — иной раз мне чудилось в этом что-то жестокое.

Тетка моего отца, а стало быть, моя двоюродная бабка, о которой будет еще речь впереди, была самой значительной персоной в нашей семье. Мисс Тротвуд, или мисс Бетси, как называла ее моя бедная мать, когда ей случалось преодолеть свой страх перед этой грозной особой и упомянуть о ней (это случалось редко), — мисс Бетси вышла замуж за человека моложе себя, который был очень красив, хотя к нему отнюдь нельзя было применить незамысловатую поговорку «Красив, кто хорош». Не без основания подозревали, что он поколачивал мисс Бетси и даже принял однажды, во время спора о домашних расходах, срочные и решительные меры к тому, чтобы выбросить ее из окна второго этажа. Такие признаки неуживчивого характера побудили мисс Бетси откупиться от него и расстаться по взаимному соглашению. Он отправился со своим капиталом в Индию, где (если верить нашей удивительной семейной легенде) видели, как он развезжал на слоне в обществе бабуина; я же думаю, что, вероятно, это был бабу или бегума. Как бы там ни было, лет через десять пришла из Индии весть о его смерти. Никто не знал, как подействовала она на мою бабушку: тотчас после разлуки с ним она снова стала носить свою девичью фамилию, купила далеко от наших мест, в деревушке на морском побережье, коттедж, поселилась там с одной-единственной служанкой и, по слухам, жила в полном уединении.

Кажется, мой отец был когда-то ее любимцем, но его женитьба смертельно оскорбила ее, потому что моя мать была «восковой куклой». Она никогда не видела моей матери, но знала, что ей еще не исполнилось двадцати лет. Мой отец и мисс Бетси больше никогда не встречались. Он был вдвое старше моей матери, когда женился на ней, и не отличался крепким сложением. Спустя год он умер — как я уже говорил, за шесть месяцев до моего появления на свет.

Таково было положение дел под вечер в пятницу, которую мне, быть может, позволительно назвать знаменательной и чреватой событиями. Впрочем, я не имею права утверждать, будто эти дела были мне в то время известны или будто я сохранил какое-то воспоминание, основанное на свидетельстве моих собственных чувств, о том, что последовало.

Моя мать, чувствуя недомогание, в глубоком унынии сидела у камина, сквозь слезы смотрела на огонь и горестно размышляла о себе самой и о лишившемся отца маленьком незнакомце, чье появление на свет, весьма равнодушный

к его прибытию, уже готовы были приветствовать несколько grossов пророческих булавок в ящике комода наверху. И так, в тот ветренный мартовский день моя мать сидела у камина притихшая и печальная и с тоскою думала о том, что едва ли она выдержит благополучно предстоящее ей испытание; подняв глаза, чтобы осушить слезы, она посмотрела в окно и увидела незнакомую леди, идущую по саду.

Она взглянула еще раз, и ее охватило предчувствие, что это мисс Бетси. Лучи заходящего солнца, скользя над садовой изгородью, озаряли незнакомую леди, а та шествовала к двери, сохраняя суровую осанку и решительный вид, какие могли быть присущи только мисс Бетси.

Подойдя к дому, она предъявила еще одно доказательство в пользу такого заключения. Мой отец не раз давал понять, что она редко поступает как простые смертные; и теперь, вместо того чтобы позвонить в колокольчик, она приблизилась к упомянутому окну и так крепко прижала кончик носа к стеклу, что он в одно мгновение стал совсем плоским и белым, как частенько рассказывала потом моя бедная мать.

Она до такой степени испугала мою мать, что, — как я всегда был убежден, — именно мисс Бетси я и обязан своим появлением на свет в пятницу.

Моя мать в волнении встала с кресла и отступила за его спинку, в угол. Мисс Бетси медленно и дотошно обозревала комнату, начав со стены против окна, и вращала глазами, как голова сарацина на голландских часах, пока взгляд ее не остановился на моей матери. Тогда, как человек, привыкший повелевать, она нахмурилась и жестом предложила моей матери пойти и открыть дверь. Мать повиновалась.

— Миссис Дэвид Копперфилд, *если не ошибаюсь?* — сказала мисс Бетси; ударение на последних словах вызывалось, быть может, вдовьим трауром моей матери и ее состоянием.

— Да, — слабым голосом ответила моя мать.

— Мисс Тротвуд, — отрекомендовалась гостя. — Вероятно, вы о ней слышали?

Моя мать ответила, что имела это удовольствие. Но с сожалением почувствовала, что ей как будто не удалось выразить, сколь велико было это удовольствие.

— Теперь вы ее видите, — сказала мисс Бетси.

Моя мать склонила голову и попросила ее войти.

Они направились в гостиную, откуда только что вышла моя мать, так как в лучшей комнате, по другую сторону кори-

дора, камин не был затоплен — его не топили со дня похорон моего отца. Когда они обе уселись, а мисс Бетси продолжала молчать, моя мать, после тщетных попыток удержаться, заплакала.

— О, тише, тише! — быстро сказала мисс Бетси. — Не надо. Полно, полно!

Однако моя мать ничего не могла поделать и продолжала плакать, пока не выплакалась.

— Снимите чепчик, дитя мое, — сказала мисс Бетси, — дайте мне посмотреть на вас.

Моя мать слишком боялась ее, чтобы отказать в этой странной просьбе, даже если бы имела такое намерение. Поэтому она повиновалась и сняла чепчик, но руки ее так дрожали, что волосы (они у нее были красивые и пышные) упали ей на лицо.

— Господи помилуй! — воскликнула мисс Бетси. — Да вы еще совсем ребенок!

Несомненно, моя мать выглядела очень юно, даже для своих лет. Бедняжка понурилась, словно была в чем-то виновата, и, всхлипывая, пробормотала, что, наверное, у нее слишком ребяческий вид для вдовы и что она опасается, не сохранит ли она тот же ребяческий вид, сделавшись матерью, — если останется в живых. Последовало молчание, и ей почудилось, будто мисс Бетси коснулась ее волос, коснулась ласковой рукою. Но, взглянув на нее с робкой надеждой, она увидела, что та сидит, подобрав подол платья, сложив руки на одном колене, а ноги поставив на каминную решетку, и хмуро смотрит на огонь.

— Скажите на милость, почему Грачѣвник? — неожиданно произнесла мисс Бетси.

— Вы говорите об этом доме, сударыня? — осведомилась моя мать.

— Почему Грачѣвник? — повторила мисс Бетси. — Более уместно было бы назвать его Харчевня, если бы у вас или у вашего мужа были здравые понятия о жизни.

— Это название придумал мистер Копперфилд, — сказала моя мать. — Когда он купил дом, ему понравилось, что в саду есть грачи.

В эту минуту вечерний ветер вызвал такое смятение среди высоких старых вязов в конце сада, что моя мать и мисс Бетси невольно посмотрели в окно. Вязы склонялись друг к другу, подобно великанам, которые шепотом переговари-

ваются о каких-то тайнах, а после нескольких секунд затишья приходят в страшное волнение и дико размахивают руками, как будто только что поверенная тайна слишком ужасна и они не в силах сохранять спокойствие духа; пострадавшие от непогоды, растрепанные старые грачиные гнезда, отягчавшие верхние ветви, раскачивались, как обломки разбитых судов на бурных волнах.

— Где птицы? — спросила мисс Бетси.

— Птицы?..

Моя мать думала совсем о другом.

— Грачи? Куда они девались? — спросила мисс Бетси.

— Здесь не было ни одного с тех пор, как мы поселились в этом доме, — отвечала моя мать. — Мы думали... мистер Копперфилд думал, что здесь большой грачѣвник, но гнезда очень старые, и птицы давно их покинули.

— Узнаю Дэвида Копперфилда! — воскликнула мисс Бетси. — Дэвид Копперфилд с головы до пят! Называет дом Грачѣвником, когда поблизости нет ни одного грача, и уверен, будто в саду полно птиц, потому что видит гнезда!

— Мистер Копперфилд умер, и если вы посмеете дурно отзываться о нем при мне...

Я думаю, это был момент, когда моя бедная мать намеревалась перейти в наступление и вступить в бой с моей бабушкой, которая легко могла справиться с ней одной рукой, даже если бы моя мать была гораздо лучше подготовлена к единоборству, чем в тот вечер. Но дело кончилось тем, что она только поднялась с кресла; в ту же минуту она смиренно снова опустилась в него и потеряла сознание.

То ли она очнулась сама, то ли мисс Бетси привела ее в чувство, — неизвестно, однако, придя в себя, она увидела, что моя бабушка стоит у окна. Сумерки уже ступились, но благодаря огню в камине они могли еще различать друг друга.

— Ну как? — сказала мисс Бетси, возвращаясь к своему стулу, словно встала только для того, чтобы посмотреть в окно. — Когда же вы ожидаете...

— Я вся дрожу, — пролепетала моя мать. — Не понимаю, что со мной. Я умру, я в этом уверена!

— Нет и нет! — заявила мисс Бетси. — Выпейте чая.

— Ах, боже мой, боже мой! — беспомощно воскликнула моя мать. — Вы думаете, мне станет лучше?

— Конечно! — сказала мисс Бетси. — Все это одно воображенье. Как звать вашу девчонку?

— Я еще не знаю, будет ли это девочка, — наивно сказала моя мать.

— Да благословит Бог крошку! — воскликнула мисс Бетси, не ведая того, что цитирует второе приветствие, вышитое на подушечке для булавок, которая хранилась в ящике комода наверху, но относя это приветствие не ко мне, а к моей матери. — Я не о том говорю. Я говорю о вашей служанке.

— Пэгготи, — сказала моя мать.

— Пэгготи! — с некоторым негодованием повторила мисс Бетси. — Неужели вы хотите сказать, дитя, что какое-то человеческое существо получило при крещении имя Пэгготи?

— Это ее фамилия, — слабым голосом пояснила моя мать. — Мистер Копперфилд называл ее по фамилии, потому что у нас с ней одинаковые имена.

— Сюда, Пэгготи! — крикнула мисс Бетси, открывая дверь гостиной. — Чая! Твоей хозяйке немножко нездоровится. Поскорей!

Отдав это приказание с такою властностью, словно она являлась признанным авторитетом в доме с той поры, как он был выстроен, и выглянув за дверь, чтобы посмотреть на изумленную Пэгготи, которая, заслышав незнакомый голос, вышла в коридор со свечой, мисс Бетси снова закрыла дверь и уселась в прежней позе: ноги на каминной решетке, подол платья подобран, руки сложены на одном колене.

— Вы говорили о том, будет ли это девочка... — начала мисс Бетси. — Я нисколько не сомневаюсь, что девочка. У меня есть предчувствие, что должна родиться девочка. И вот, дитя, с момента рождения этой девочки...

— Может быть, мальчика, — осмелилась перебить моя мать.

— Говорю же вам, у меня есть предчувствие, что должна родиться девочка! — возразила мисс Бетси. — Не спорьте. С момента рождения этой девочки, дитя, я намерена быть ее другом. Я намерена быть ее крестной матерью и прошу вас назвать ее Бетси Тротвуд Копперфилд. Никаких ошибок не должно быть в жизни этой Бетси Тротвуд. Бедный ребенок, ее чувствами никто не будет играть! Ее нужно хорошо воспитать, охраняя от нелепой доверчивости к тем, кто ее не заслуживает. Эту заботу беру на себя я!

После каждой фразы мисс Бетси встряхивала головой, словно ее душило воспоминание об ее собственных былых обидах, и она усилием воли подавляла желание намекнуть на

них более ясно. Так, по крайней мере, показалось моей матери, взиравшей на нее при тусклом свете камина, но мать слишком боялась мисс Бетси, слишком плохо себя чувствовала и была слишком подавлена и ошеломлена, чтобы наблюдать внимательно или сообразить, что нужно сказать.

— А Дэвид был добр к вам, дитя? — после недолгого молчания спросила мисс Бетси, перестав мотать головой. — Вам хорошо жилось вместе?

— Мы были очень счастливы, — отвечала моя мать. — Мистер Копперфилд был даже слишком добр ко мне.

— Вот как! Вероятно, он вас избаловал? — воскликнула мисс Бетси.

— Теперь, когда я снова осталась совсем одна в этом суровом мире и должна полагаться только на себя, боюсь, что он и в самом деле меня избаловал, — всхлипывая, промолвила моя мать.

— Полно! Не плачьте! — сказала мисс Бетси. — Вы ему были не пара... не знаю, впрочем, найдется ли на свете хоть одна подходящая пара... Вот почему я задала этот вопрос. Вы сирота?

— Да.

— И были гувернанткой?

— Я была бонной в семействе, которое посещал мистер Копперфилд. Мистер Копперфилд был очень добр ко мне, много занимался мною, уделял мне много внимания и, наконец, сделал предложение. А я приняла его, и вот мы поженились, — простодушно отвечала моя мать.

— Ха! Бедное дитя! — задумчиво проговорила мисс Бетси, по-прежнему не сводя хмурых глаз с огня. — Вы хоть в чем-нибудь смыслите?

— Простите, сударыня?.. — пролепетала моя мать.

— Например, в домашнем хозяйстве, — пояснила мисс Бетси.

— Боюсь, что мало, — ответила моя мать. — Меньше, чем мне бы хотелось. Но мистер Копперфилд учил меня...

— Сам-то он много в этом смыслил! — вставила, в скобках, мисс Бетси.

— И мне очень хотелось научиться, а он был очень терпелив... И я надеюсь, что сделала бы успехи, если бы не это великое несчастье... его смерть...

Моя мать снова потеряла самообладание и не могла продолжать.

— Полно, полно! — сказала мисс Бетси.

— Я аккуратно записывала домашние расходы и каждый вечер подводила итог вместе с мистером Копперфилдом! — воскликнула моя мать, вновь предаваясь отчаянью и теряя мужество.

— Полно, полно! — сказала мисс Бетси. — Хватит, не плачьте.

— И, право же, никогда не бывало у нас с ним из-за этого никаких размолвок... Только мистеру Копперфилду не нравилось, что три и пять у меня слишком похожи, а у семи и девяти закручены хвостики, — с жаром закончила моя мать и снова потеряла самообладание.

— Вы так совсем расхвораетесь, — сказала мисс Бетси. — Вы же знаете, что это не принесет добра ни вам, ни моей крестной дочери. Довольно! Перестаньте плакать!

Такой довод помог моей матери успокоиться, но, пожалуй, главную роль сыграло ее недомогание, которое все усиливалось. Наступило молчание, лишь изредка нарушаемое восклицаниями мисс Бетси: «Ха!» Она сидела, не снимая ног с каминной решетки.

— Я знаю, что Дэвид вложил свой капитал в ценные бумаги, — сказала она наконец. — Что оставил он вам?

— Мистер Копперфилд, — не без труда отвечала моя мать, — был так добр и заботлив, что перевел на меня часть ренты.

— Сколько? — спросила мисс Бетси.

— Сто пять фунтов в год, — промолвила моя мать.

— Могло быть и хуже, — заметила моя бабушка.

Последнее слово пришлось кстати: моей матери стало настолько хуже, что Пегготи, войдя с чайным подносом и свечами и сразу увидев, как ей плохо, — мисс Бетси могла бы увидеть это раньше, если бы в комнате было посветлее, — поспешно проводила ее наверх в спальню; затем она немедленно отправила за сиделкой и доктором своего племянника Хэма Пегготи, который, втайне от моей матери, уже несколько дней проживал в доме, чтобы быть под рукой в случае необходимости.

Эти объединенные силы, явившись через несколько минут почти одновременно, были немало изумлены, обнаружив сидевшую у камина незнакомую леди с внушительной осанкой; подвязав лентами свою шляпку к левой руке, она затыкала себе уши хлопчатой бумагой из ювелирной лавки. Пегготи

ничего о ней не знала, и моя мать ничего о ней не сообщила, вот почему она была поистине загадкой, а величественному ее виду отнюдь не мешало то обстоятельство, что у нее в кармане был запас хлопчатой бумаги и она записывала ее себе в уши.

Доктор поднялся наверх, затем сошел вниз и, удостоверившись, вероятно, что ему предстоит провести несколько часов лицом к лицу с этой незнакомой леди, постарался быть учтивым и общительным. Это был тишайший и кротчайший человечек. Он входил и выходил из комнаты бочком, чтобы занимать поменьше места. Он ступал тихо, как призрак в «Гамлете», но только еще медленнее. Голову он склонял к плечу, отчасти из скромного сознания собственного ничтожества, отчасти из скромного желания умиловить всех и каждого. Мало того, что он не бросил бы обидного слова собаке: он не мог бы его бросить даже бешеной собаке. Возможно, он ласково сказал бы ей словечко, или полсловечка, или один слог, ибо говорил он так же медленно, как и ходил; но он не обошелся бы с ней грубо и не мог бы расправиться с нею ни за какие блага в мире.

Кротко взглянув на мою бабушку и склонив голову набок, мистер Чиллип слегка поклонился ей и, коснувшись своего левого уха, спросил, намекая на хлопчатую бумагу:

— Местное раздражение, сударыня?

— Что? — откликнулась моя бабушка, вытаскивая, как пробку, бумагу из одного уха.

Мистер Чиллип был так испуган ее резкостью, — о чем рассказывал впоследствии моей матери, — что только по милости небес не потерял присутствия духа. Он вкрадчиво повторил:

— Местное раздражение, сударыня?

— Вздор! — ответила моя бабушка и тотчас же снова закурилась.

После этого мистеру Чиллипу ничего не оставалось как сидеть и беспомощно смотреть на нее, — а она тоже сидела и смотрела на огонь, — пока его не позвали наверх. Через четверть часа он вернулся.

— Ну как? — спросила моя бабушка, вынимая хлопчатую бумагу из ближайшего к нему уха.

— Ну что ж, сударыня, мы... мы помаленьку подвигаемся, — отвечал мистер Чиллип.

— А-а-а! — протянула моя бабушка, презрительно и энергически тряхнув головой. И снова закурилась.

Право же, право, — как рассказывал мистер Чиллип моей матери, — он испытал настоящее потрясение; да, если говорить только с профессиональной точки зрения, он испытал именно потрясение! Однако он сидел и смотрел на нее в течение двух часов, а она тоже сидела и смотрела на огонь, пока его снова не вызвали. После вторичной отлучки он опять вернулся.

— Ну как? — спросила моя бабушка, снова вынимая хлопчатую бумагу из того же уха.

— Ну что ж, сударыня, мы... мы помаленьку подвигаемся, — отвечал мистер Чиллип.

— А-а-а! — протянула моя бабушка. И так оскалила зубы, что мистер Чиллип не мог этого вынести. Впоследствии он говорил, что таким путем она, несомненно, рассчитывала сломить его дух. Поэтому он предпочел удалиться и сидел на лестнице, в темноте и на сильном сквозняке, пока не послали за ним снова.

Хэм Пегготи — он ходил в начальную школу и катехизис знал назубок, а стало быть, мог почитаться достойным доверия свидетелем, — Хэм Пегготи докладывал на следующий день, что час спустя случайно заглянул в гостиную и был тотчас же замечен мисс Бетси, в волнении шагавшей взад и вперед и набросившейся на него прежде, чем он успел спастись бегством. Теперь сверху доносились иногда голоса и шаги, которых, по его предположению, не могла заглушить хлопчатая бумага, ибо леди вцепилась в него, чтобы дать исход крайнему своему возбуждению, когда звуки становились громче. Держа свою жертву за шиворот и заставляя маршировать по комнате (словно он принял слишком большую дозу опия), она встряхивала его, ерошила ему волосы, рвала на нем рубашку, затыкала уши ему, как будто перепутала их со своими ушами, и всячески тормошила его и мучила. Это показание было отчасти подтверждено его теткой, которая увидела его в половине первого ночи, вскоре после его освобождения, и утверждала, что в тот момент он был так же красен, как и я.

Кроткий мистер Чиллип ни на кого и никогда не мог быть в обиде, тем более в такое время. Едва покончив со своими обязанностями, он бочком проскользнул в гостиную и самым смиренным голосом сказал моей бабушке:

— Ну что ж, сударыня, я имею счастье поздравить вас.

— С чем? — резко спросила моя бабушка.

Чрезвычайно суровый тон моей бабушки заставил вновь затрепетать мистера Чиллипа. Поэтому он слегка поклонился ей и слегка улыбнулся, чтобы ее умиловать.

— Господи помилуй, что с ним такое? — нетерпеливо вскричала моя бабушка. — Онемел он, что ли?

— Успокойтесь, сударыня, дорогая моя! — самым вкрадчивым тоном сказал мистер Чиллип. — Больше нет никаких оснований волноваться, сударыня.

До сих пор почитается едва ли не чудом, как это моя бабушка не встряхнула его и не вытряхнула из него то, что он должен был сказать. Но она только тряхнула головой, впрочем, сделала это так, что он совсем оробел.

— Ну что ж, сударыня, — едва собравшись с духом, продолжал мистер Чиллип, — я имею счастье поздравить вас. Все кончено, сударыня, и все завершилось благополучно.

В продолжение тех пяти минут, какие мистер Чиллип посвятил произнесению этой речи, моя бабушка смотрела на него в упор.

— Как она себя чувствует? — спросила бабушка, складывая руки; к одной из них была по-прежнему привязана шляпка.

— Надеюсь, сударыня, она скоро будет чувствовать себя прекрасно, — отвечал мистер Чиллип. — Прекрасно, насколько это возможно для молодой матери при столь печальных семейных обстоятельствах. Нет никаких возражений против того, чтобы вы повидали ее сейчас. Это может пойти ей на пользу.

— А она? Как себя чувствует она? — резко спросила моя бабушка.

Мистер Чиллип еще больше склонил голову набок и посмотрел на мою бабушку, словно приветливая птица.

— Новорожденная? Как она себя чувствует? — пояснила моя бабушка.

— Сударыня, я полагал, что вы уже знаете. Это мальчик, — отвечал мистер Чиллип.

Моя бабушка не произнесла ни слова; она схватила свою шляпку, держа ее за ленты, как пращу, прицелилась, хлопнула ею по голове мистера Чиллипа, затем нацепила ее, всю измятую, себе на голову, вышла из дому и больше не вернулась. Она скрылась, как разгневанная фея или те привидения и духи, которых, по общему мнению, мне даровано было видеть, и больше не вернулась.

Да, не вернулась. Я лежал в корзинке, а моя мать лежала в постели, но Бетси Тротвуд Копперфилд навеки осталась в стране грез и теней, в тех страшных краях, откуда я только что прибыл; а свет, падавший из окна комнаты, озарял последнее земное пристанище таких же путников, как я, и холмик над прахом того, кто некогда был человеком и, не будь которого, я никогда не явился бы в этот мир.

ГЛАВА II

Я НАБЛЮДАЮ

Первые образы, которые отчетливо встают передо мною, когда я возвращаюсь к далекому прошлому, к окутанным туманом дням моего раннего детства, — это моя мать с ее прекрасными волосами и девической фигурой и Пегготи, вовсе лишенная фигуры, Пегготи с такими темными глазами, что они как будто отбрасывают тень на ее лицо, и с такими твердыми и красными щеками, что я недоумеваю, почему птицы предпочитают клевать не ее, а яблоки.

Мне чудится, я помню их обеих, одну неподалеку от другой — они кажутся мне ниже ростом, потому что наклоняются или стоят на коленях, а я нетвердыми шагами перехожу от матери к Пегготи. В моей памяти хранится впечатление, — я не могу отделить его от отчетливых воспоминаний, — будто я прикасаюсь к указательному пальцу Пегготи, который она, бывало, протягивала мне, и этот исколотый иголкой палец шершав, как маленькая терка для мускатных орехов.

Может быть, это только иллюзия, но, кажется мне, большинство людей хранят воспоминания о давно минувших днях, гораздо более далеких, чем мы предполагаем; и я верю, что способность наблюдать у многих очень маленьких детей поистине удивительна — так она сильна и так очевидна. Мало того, я думаю, что о большинстве взрослых людей, обладающих этим свойством, можно с уверенностью сказать, что они не приобрели его, но сохранили с детства; как мне обычно случалось подмечать, такие люди отличаются душевной свежестью, добротой и умением радоваться жизни, что также является наследством, которого они не растратили с детских лет.

Быть может, предаваясь таким размышлениям, я начинаю «колесить», но должен сказать, что пришел к этим выводам

отчасти на основании моего личного опыта; если же из дальнейшего моего повествования можно будет заключить, будто я был ребенком очень наблюдательным, или что в зрелом возрасте я сохраняю слишком яркое воспоминание о своем детстве — то, не стану спорить, я готов притязать на обе эти способности.

Возвращаясь, как я уже сказал, к окутанному туманом дням моего раннего детства, я различаю два образа, возникающих из хаоса воспоминаний, — это моя мать и Пегготи. Что еще могу я припомнить? Посмотрим.

Встает из дымки наш дом — для меня не новый, а очень хорошо знакомый по самым ранним воспоминаниям. В нижнем этаже кухня Пегготи, выходящая на задний двор; посреди двора шест с голубятней без голубей; в углу большая собачья конура без собаки и множество кур, которые кажутся мне ужасно высокими, когда они разгуливают с угрожающим и свирепым видом. Есть здесь один петух, который взбирается на столб, чтобы прокричать кукареку; он как будто обращает на меня особое внимание, когда я смотрю на него из окна кухни, и заставляет меня вздрагивать — такой он сердитый. Гуси по ту сторону калитки, шествующие вслед за мной вразвалку, вытянув шеи, снятся мне по ночам: так человеку, окруженному дикими зверями, снятся львы.

Вот длинный коридор — какая бесконечная перспектива открывается моему взору! — ведущий от кухни Пегготи к парадной двери. Сюда выходит дверь темной кладовой, и по вечерам нужно быстро пробегать мимо нее: когда там нет никого и не светит тускло горящая свеча, я не знаю, что может таиться среди этих кадушек, банок и старых ящиков из-под чая, а из двери вырывается затхлый воздух, насыщенный запахом мыла, рассола, перца, свечей и кофе. В доме две гостиные: гостиная, где мы сидим по вечерам в будни — моя мать, я и Пегготи, потому что Пегготи всегда с нами, когда мы одни, а она покончила с работой, — и парадная гостиная, где мы сидим по воскресеньям; здесь торжественно, но не так уютно. Эта комната кажется мне унылой, потому что Пегготи рассказывала мне — не знаю когда, но, очевидно, ужасно давно — о похоронах моего отца и об участниках процессии в черных плащах. В одно из воскресений мать читает Пегготи и мне в этой гостиной о том, как Лазарь воскрес из мертвых. И мне так страшно, что позднее приходится поднять меня с кровати и показать мне из окна спальни тихое кладбище,

где мертвые тихо покоятся в своих могилах, озаренных торжественной луной.

Нигде нет травы такой зеленой, как трава на этом кладбище; нигде нет таких тенистых деревьев, как там; нет ничего более мирного, чем эти могилы. Ранним утром, когда я поднимаюсь на колени в своей кроватке (она стоит в нише в комнате моей матери), чтобы посмотреть на кладбище, овцы щиплют там траву; я вижу багровый свет, заливающий солнечные часы, и размышляю: «Радуются ли солнечные часы, что они снова могут показывать время?»

Вот наша скамья в церкви. Какая у нее высокая спинка! Неподалеку окно, из которого виден наш дом, и в продолжение утренней службы Пегготи часто поглядывает в это окно, так как хочет удостовериться, не ограблен ли дом и не охвачен ли пламенем. Но хотя глаза Пегготи блуждают, она очень недовольна, если и мои начинают блуждать, и когда я стою на скамье, она хмурится, давая мне понять, что я должен смотреть на священника. Но не могу же я все время смотреть на него! Я его знаю без этого белого покрывала и боюсь, что он удивится и, пожалуй, прервет службу, чтобы осведомиться, почему я так таращу на него глаза, а что мне тогда делать? Очень нехорошо зевать по сторонам, но я должен чем-то заняться. Я смотрю на мою мать, но она притворяется, будто не видит меня. Я смотрю на мальчика в приделе, а он в ответ корчит рожу. Я смотрю на солнечные лучи, проникающие с паперти в открытую дверь, и там я вижу заблудшую овцу — я имею в виду не грешника, а настоящую овцу, — размышляющую, не войти ли ей в церковь. Я чувствую, что, если сейчас же не перестану смотреть на нее, меня охватит соблазн крикнуть что-нибудь во весь голос, — а что тогда будет со мной? Я поднимаю глаза на мемориальные доски на стене и стараюсь думать о покойном мистере Боджерсе из нашего прихода и думаю о том, что должна была чувствовать миссис Боджерс, когда мистер Боджерс долго и тяжело болел, а врачи были бессильны помочь ему. Я задаю себе вопрос, звали ли к больному мистера Чиллипа и оказался ли он так же бессилен, как все прочие, а если да, то приятно ли ему теперь вспоминать об этом каждое воскресенье. Я перевожу взгляд с мистера Чиллипа и его праздничного галстука на кафедру и думаю о том, какое это чудесное место для игр и какой бы это был замок: кто-нибудь из мальчиков штурмует его, взбегающая по ступеням, а ему в голову летит подушка с кисточками.

Мало-помалу глаза мои начинают слипаться, я как будто еще слышу в знойном воздухе сонный голос священника, распевającego гимн; потом я уже ничего не слышу и, наконец, с грохотом падаю со скамьи, и меня чуть живого уносит Пегготи.

А теперь я вижу наш дом. В раскрытые настежь окна с частыми переплетами проникает в спальню благовонный воздух, а растрепанные старые грачиные гнезда все еще покачиваются на вязах в конце сада. А вот я в саду за домом, позади двора с пустой голубятней и собачьей конурой; помнится мне, это настоящий заповедник бабочек, окруженный высокой изгородью с калиткой и висячим замком; плоды обременяют ветви деревьев, плоды такие спелые и сочные, каких никогда уже не бывало ни в каком другом саду, и моя мать собирает их в корзинку, а я стою тут же, украдкой срывая крыжовник и стараясь сохранить равнодушный вид. Поднимается сильный ветер, и вот лето уж промелькнуло. В зимних сумерках мы играем и танцуем в гостиной. Когда моя мать, запыхавшись, опускается в кресло, я слежу, как она навивает на пальцы свои светлые локоны и выпрямляется, и никто не знает лучше меня, что ей приятно быть такой миловидной и она гордится своей красотой.

Таковы мои самые ранние впечатления. А вот одно из первых моих умозаключений — если только это можно назвать умозаключением, — составленных на основании того, что я видел: мы оба слегка побаиваемся Пегготи и чаще всего подчиняемся ей.

Однажды вечером Пегготи и я сидели одни у камина в гостиной. Я читал Пегготи о крокодилах. То ли я читал очень выразительно, то ли она была чересчур увлечена книгой, но только я припоминаю, что по окончании чтения у нее осталось смутное представление, будто крокодилы — это какой-то сорт овощей. Я устал читать, и меня мучительно клонило ко сну, но, получив в виде великой милости разрешение не ложиться, пока не вернется домой моя мать, проводившая вечер у соседки, я, разумеется, скорее готов был умереть на своем посту, чем лечь спать. Сонливость моя достигла той степени, когда Пегготи начала как будто пухнуть и принимать гигантские размеры. Я поддерживал указательными пальцами веки, чтобы они не сомкнулись, и упорно смотрел, как она работает; смотрел на крохотный кусочек свечи, которым она наващивала нитку, — весь изрезанный морщинками, каким старым он казался! — на маленький домик с тростниковой

кровлей, где хранился сантиметр; на ее рабочую шкатулку с выдвигной крышкой, на которой был изображен собор Св. Павла (с розовым куполом); на палец с медным наперстком; смотрел на ее лицо, которое я считал восхитительным. Мне так хотелось спать, что я знал: если я хоть на секунду перестану все это видеть — я пропал.

— Пегготи! — неожиданно спросил я. — Ты была когда-нибудь замужем?

— Господи помилуй, мистер Дэви! — воскликнула Пегготи. — Что это вам пришло в голову говорить о замужестве?

При этом она так вздрогнула, что я и думать забыл о сне. Она перестала шить и смотрела на меня, держа в вытянутой руке иголку с ниткой.

— Но ты была когда-нибудь замужем, Пегготи? — повторил я. — Ты очень красивая, правда?

Конечно, я понимал, что красота Пегготи резко отличается от красоты моей матери, но, по моему мнению, она была в своем роде настоящей красавицей. В парадной гостиной стояла красная бархатная скамеечка для ног, на которой моя мать нарисовала букет. Цвет бархата несколько не отличался от цвета лица Пегготи. Скамеечка была мягкая, а Пегготи — жесткая, но это не имело никакого значения.

— Это я-то красивая, Дэви! — воскликнула Пегготи. — Господь с вами, дорогой мой! Но что это вам пришло в голову говорить о замужестве?

— Не знаю... Нельзя выйти замуж сразу за двоих, ведь правда, Пегготи?

— Конечно, нельзя, — быстро и решительно ответила Пегготи.

— Но если вы вышли за кого-нибудь замуж и этот человек умер, тогда вы можете выйти за другого, правда, Пегготи?

— Можете, если хотите. Все зависит от того, какого вы мнения об этом, — сказала Пегготи.

— А ты какого мнения, Пегготи? — спросил я.

Я задал этот вопрос и посмотрел на нее с любопытством, потому что и она смотрела на меня с нескрываемым любопытством.

— Мое мнение такое, — после недолгого колебания сказала Пегготи, отводя взгляд и снова принимаясь за шитье: — я сама никогда не была замужем, мистер Дэви, и замуж не собираюсь. Вот все, что я об этом знаю.